

АНАСТАСИЯ ЛЕМАНН

РАЗВОД

Я ВЫБРАЛ ТЕБЯ

18+

Анастасия Леманн

Развод Я выбрал тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72802972

SelfPub; 2025

Аннотация

Конверт лежал на кухонном столе третий день, и я старательно делал вид, что его не существует.

Готовил яичницу – конверт лежал. Пил кофе – конверт лежал. Смотрел в потолок, не в силах заснуть – конверт лежал на том же месте, белый прямоугольник с синим штампом, который я видел даже с закрытыми глазами.

На четвёртый день сдался.

Разорвал край, вытащил лист. Буквы прыгали перед глазами, но смысл дошёл сразу: брак расторгнут, решение вступило в силу, обжалованию не подлежит.

Вот и всё. Восемь лет – псу под хвост. Штамп в паспорте, кольцо в ящике, дочка, которая при встречах смотрит исподлобья и молчит.

Содержание

Глава 1. Беглец на краю света	4
Глава 2. Новая жизнь, старые тени	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анастасия Леманн

Развод Я выбрал тебя

Глава 1. Беглец на краю света

Конверт лежал на кухонном столе третий день, и я старательно делал вид, что его не существует.

Готовил яичницу – конверт лежал. Пил кофе – конверт лежал. Смотрел в потолок, не в силах заснуть – конверт лежал на том же месте, белый прямоугольник с синим штампом, который я видел даже с закрытыми глазами.

На четвёртый день сдался.

Разорвал край, вытащил лист. Буквы прыгали перед глазами, но смысл дошёл сразу: брак расторгнут, решение вступило в силу, обжалованию не подлежит.

Вот и всё. Восемь лет – псу под хвост. Штамп в паспорте, кольцо в ящике, дочка, которая при встречах смотрит исподлобья и молчит.

Ольга даже не предупредила, что документы придут. Хотя после нашего последнего разговора – какие предупреждения? Она сказала всё, что хотела сказать. Я выслушал всё, что заслужил.

Сел на табурет посреди этой съёмной конуры и попытался понять, что чувствую.

Ничего. Пустота. Как будто внутри вынули что-то важное и забыли положить обратно.

Телефон зазвонил так резко, что я чуть не свалился с табурета. Номер незнакомый – а от незнакомых номеров последние месяцы ничего хорошего не приходило. Коллекторы с их вежливыми угрозами, банковские роботы с напоминаниями о просроченных платежах, судебные приставы с вопросами о месте работы.

Всё это – Дианино наследство. Её прощальный поцелуй: три миллиона кредита, оформленного на моё имя, и пустая квартира, из которой она вывезла даже шторы.

Телефон замолчал, потом зазвонил снова. Настойчивый кто-то.

Взял трубку, приготовившись услышать очередное «Игорь Сергеевич, вас беспокоит служба розыска».

– Молчанов, ты живой вообще?

Голос хриплый, прокуренный, и где-то в глубине памяти щёлкнуло узнавание.

– Кто это?

– Обидеть хочешь? Дымов это, Серёга Дымов. Вторая рота, госпиталь в Ростове, койка у окна. Ты мне ещё книжку про танки давал читать, помнишь?

Дымов. Сержант-контрактник, попал под тот же обстрел, что и я. Лежали в одной палате три недели – он с контузией, я с осколками в боку. Нормальный мужик, не трепло, не нытик. После выписки обменялись номерами и, как водится,

ни разу не созвонились.

– Помню, Серёга. Извини, не узнал сразу, голос у тебя изменился.

– Курю много, вот и изменился. Слушай, я чего звоню-то, не просто поболтать. Ты сейчас как вообще, чем занимаешься?

Я посмотрел на конверт с решением суда, на гору грязной посуды в раковине, на пустые бутылки, которые давно пора было выбросить, да руки не доходили.

– Живу помаленьку. А что?

– А то, что голос у тебя, Молчанов, как у покойника на третий день. Я такие голоса знаю, сам так разговаривал, когда из госпиталя вышел и понял, что в армию больше не возьмут. Слушай, у меня к тебе дело есть, конкретное.

– Какое дело?

– У меня родня по материнской линии в Оренбургской области живёт, село Новопавловка, слышал про такое?

– Первый раз слышу.

– Ну и не удивительно, там три двора и конь в пальто. Короче, у них там сельхозпредприятие, коровы-тракторы-комбайны, вся эта деревенская романтика. И мужики им нужны позарез, потому что местные либо спились в ноль, либо в город уехали за длинным рублём. Директор там мой троюродный дядька, Лазарев Владимир Палыч, я ему на прошлой неделе звонил, он прямо стонет – некому работать, озимые сеять надо, а техника стоит.

– И при чём тут я?

– При том, что я ему про тебя рассказал. Что мужик надёжный, что военный, что руки из правильного места растут. Он заинтересовался, просил твой номер. Я подумал – сначала тебе позвоню, узнаю, как ты к этому.

Трактористом. В какой-то деревне на краю света. После всего – после армии, после наград, после операций, от которых шрам через весь бок – трактористом, за коровами навоз убирать.

– Серёга, я в жизни на тракторе не сидел.

– Да ладно тебе, на БТРе сидел, на КамАЗе сидел, а трактор – он попроще будет. Там разберёшься по ходу, дело нехитрое. Главное – подальше от Москвы уехать, от этого всего дерьма. Тебе сейчас смена обстановки нужна, я по голосу слышу.

– С чего ты взял, что мне что-то нужно?

– С того, что я сам через это проходил, Молчанов. Когда комиссовали – думал, всё, конец, жизнь кончилась. Сидел в четырёх стенах, бухал, с женой разругался вдрызг. А потом плюнул на всё и уехал к этой самой родне в деревню, на три месяца. И знаешь, помогло. Там голова по-другому работает, когда вокруг тишина и делать надо что-то руками, а не думать круглые сутки.

Я молчал.

– Слушай, я не настаиваю. Хочешь – дам дядькин номер, поговоришь с ним сам. Не хочешь – забудь, что я звонил.

Просто подумал, что тебе это может пригодиться.

Посмотрел на комнату вокруг. На обои в цветочек, отклеившиеся по углам. На потолок в трещинах. На своё отражение в тёмном экране телевизора – небритое лицо, мешки под глазами, взгляд как у побитой собаки.

Что меня тут держит? Работы нет – кому нужен бывший военный с раздолбанной психикой и осколочным ранением в анамнезе? Семьи нет – развод оформлен, жена запретила приближаться, и правильно сделала. Денег нет – всё, что было, ушло на погашение Дианиного кредита, и всё равно ещё два миллиона висит.

– Давай номер.

– Точно? Ты подумал?

– Давай, Серёга. Хуже уже не будет.

– Вот это правильный подход! Записывай...

Лазарев позвонил в тот же вечер, не стал тянуть. Голос начальственный, привыкший отдавать распоряжения и не слышать возражений.

– Игорь Сергеевич Молчанов? Лазарев беспокоит, Владимир Павлович, директор сельхозпредприятия «Рассвет». Серёга Дымов мне про вас рассказывал, говорит, человек стоящий.

– Здравствуйте. Да, он мне звонил, объяснил ситуацию.

– Ну и отлично, тогда не буду вокруг да около ходить. Мне нужен человек на технику – трактор, комбайн, что понадобится. Работы много, людей мало, озимые сеять пора, а неко-

му. Вы, как я понимаю, военный?

– Бывший. Капитан, уволен по состоянию здоровья.

– Ранение?

– Осколочное, в боку. На работу не влияет, но для строевой уже не годен.

– Понятно. Ну, для трактора строевая не нужна, главное – чтобы руки работали и голова на плечах была. С техникой раньше дело имели? Права есть?

– Категория «С», управлял грузовиками и бронетехникой. На тракторе конкретно не работал, но разберусь, там принцип похожий.

– Разберётесь, это не ракетная физика. У меня механик толковый, Пётр Семёнович, он вам всё покажет и объяснит. Условия такие: зарплата тридцать пять тысяч в месяц, если без косяков и прогулов. Жильё предоставляю – комната в общежитии, не хоромы, конечно, но койка есть, стол есть, крыша над головой. Питание можете в нашей столовой брать, там дёшево и сердито, повариха готовит нормально. Когда сможете приехать?

Я обвёл взглядом свою конуру. Что тут собирать? Шмотки в рюкзак влезут, документы в карман, остальное – мусор.

– Завтра могу.

На том конце провода возникла пауза.

– Завтра? Прямо так сразу?

– А чего тянуть? Вещей у меня немного, дел никаких, задерживать некому и нечему.

– Ну... добро, если так. Значит, слушайте: доезжаете до Акбулака, это райцентр, оттуда автобус на Новопавловку ходит два раза в день – в девять утра и в шесть вечера. Дорога часа два, если без приключений. Как приедете – звоните, я вас встречу или кого-нибудь пришлю встретить.

– Понял, спасибо.

– Это вам спасибо, что согласились. А то я уже думал, сам за руль трактора садиться, при моём-то геморрое... Ладно, до завтра тогда, Игорь Сергеевич.

– До завтра.

Положил телефон и минуту просто сидел, глядя в стену.

Вот так. Один звонок – и вся жизнь переворачивается. Или то, что от неё осталось.

Собрал рюкзак за полчаса. Две смены белья, запасные джинсы, пара футболок, бритва, зубная щётка. Документы – паспорт, военник, справка об увольнении. Бархатная коробочка с медалью – сам не знаю, зачем её таскаю, но выбросить не могу.

Фотографий нет. Ольга забрала все, где Машка. Правильно сделала – на кой они мне, лишний раз душу рвать.

Утром отдал ключи хозяйке, сварливой тётке лет шестидесяти, которая полгода смотрела на меня как на потенциального грабителя.

– Съезжаете, значит?

– Съезжаю.

– И куда же, если не секрет?

– В деревню, работать.

Она хмыкнула, пересчитывая деньги за последний месяц.

– В деревню – это хорошо. Там воздух чище и соблазнов меньше. А то я на вас смотрела и думала: вот-вот сорвётся парень, вот-вот натворит чего-нибудь. Глаза у вас были нехорошие, тяжёлые.

– Спасибо за заботу.

– Да какая забота, просто говорю, что вижу. Ну, езжайте с богом, чего стоите.

Добирался весь день – метро, электричка, автобус. К вечеру голова гудела от тряски и духоты, левая нога ныла – осколок задел нерв, и при долгом сидении голень немеет.

В автобусе народу было немного: две бабки с сумками, мужик в спецовке, женщина с сонным ребёнком на коленях. Ещё один пассажир – грузный тип в растянутой майке – сидел через проход и время от времени поглядывал в мою сторону.

Через час не выдержал, заговорил:

– Далеко едете, мужчина?

– До Новопавловки.

– О, так и я туда же! На работу, или как?

– На работу.

– К Лазареву, значит? Больше-то там работать не у кого, одно предприятие на всё село. Я вот тоже к нему возвращаюсь, в отпуске был две недели, у брата в Оренбурге гостил. Вы раньше в деревне жили или городской?

– Городской.

– Оно и видно, бледный больно. Ничего, там загорите быстро, солнце у нас жарит – будь здоров. А вы по какой части работать будете? По технике или по скотине?

– По технике.

– А, значит, к Петру Семёнычу в бригаду. Хороший мужик, толковый, объяснит всё человеческим языком. Главное – с Лазаревым не спорьте, он этого не любит. Ну и не пейте на работе, за это он сразу гонит, без разговоров.

– Учту.

– Меня Толян зовут, кстати. Толик Ермаков. Если что – обращайтесь, я тут всех знаю, всё покажу.

– Игорь.

– Очень приятно, Игорь. Вы военный, да? По выправке видно.

– Бывший.

– А, ну это дело такое. Бывших военных не бывает, это я вам как сын офицера говорю. Батя у меня двадцать лет отслужил, до сих пор...

Автобус дёрнулся и встал.

Водитель – сухой дед с татуировкой на предплечье – выругался и полез наружу. Вернулся через минуту, объявил:

– Колесо пробили, стоим минут двадцать, пока поменяю.

Толик вздохнул:

– Вот вечно у нас так, то одно, то другое. Дороги – чёрт ногу сломит, латают каждый год, а толку ноль.

Я поднялся:

– Пойду помогу.

– А вы умеете?

– Разберусь.

Снаружи было прохладно, пахло прелой листвой и дымом – где-то жгли ботву.. Водитель ковырялся у заднего колеса, разглядывая пробоину.

– Помочь?

Он поднял голову, смерил меня взглядом – оценивающе, без враждебности.

– А ты шаришь в этом?

– Шарю. Домкрат где?

– В багажнике, только он ржавый весь, заедает. И балонник тоже не подарок, сточился с одной стороны.

– Справимся.

Следующие двадцать минут возился с колесом. Домкрат действительно заедал, балонник проскальзывал, запаска оказалась почти лысой – но руки делали своё дело, и голова наконец-то отключилась. Никаких мыслей, никаких воспоминаний, только металл, резина, гайки.

Хорошо.

Когда затянул последнюю, водитель хлопнул меня по плечу:

– Спасибо, мужик, выручил. А то я бы один ещё час провозился. Ты механик, что ли?

– Нет, просто руками работать приходилось.

– Ну, оно и видно, что приходилось. Руки у тебя правильные, рабочие. До Новопавловки едешь?

– Туда.

– Так я-то в другую сторону, мне в Кваркено. Но тебе недалеко осталось – вон, видишь водонапорку торчит? Километра три по грунтовке, за полчаса дойдёшь.

– Понял, спасибо.

– Тебе спасибо. Ну, бывай, удачи там.

Забрал рюкзак из салона, кивнул Толику на прощание. Тот помахал рукой из окна:

– Увидимся в селе, Игорь! Я послезавтра на смену выхожу!

Автобус фыркнул и покатил прочь, оставляя облако пыли. Я остался один посреди степи.

Тишина накрыла разом – такая плотная, что уши заложило. Ни машин, ни голосов, ни гудения города. Только ветер шуршит в траве, да где-то далеко кричит птица.

Закинул рюкзак на плечо и пошёл.

Нога заныла почти сразу, но я не обращал внимания. Привык. После госпиталя врач сказал: «Полностью не пройдёт, нерв повреждён, но жить можно». Можно. Живу же как-то.

Думать не хотелось, но мысли лезли сами, как тараканы из щелей.

Диана.

Как она появилась в госпитале – улыбчивая, заботливая, с пакетом фруктов и книгой в мягкой обложке. «Я волон-

тёр, прихожу к раненым, вам что-нибудь нужно?» Мне тогда нужно было, чтобы кто-то слушал. Ольга приезжала раз в неделю, измотанная работой и Машкой, сидела час и уезжала. А Диана приходила каждый день, садилась рядом, клала прохладную ладонь на мою руку и слушала. Часами. Про войну, про страх, про кошмары по ночам. Не перебивала, не давала советов, просто была рядом.

Идиот. Купился как мальчишка.

Три месяца романа. Тайные встречи, враньё жене, чувство, что наконец живу по-настоящему. Снял ей квартиру, подписал кредитный договор – «Это для нашего будущего, милый, ты же мне доверяешь?» Доверял. Как последний дурак.

А потом она исчезла. В один день – просто испарилась. Квартира пустая, телефон заблокирован, адрес, который она давала – фальшивый. И три миллиона долга на моё имя.

Ольга узнала. До сих пор не знаю как – то ли кто-то настучал, то ли сама Диана подкинула переписку напоследок. Скандал был страшный. Ольга кричала так, что соседи стучали в стену, а Машка забилась в угол и плакала, прижимая к себе плюшевого медведя.

«Ты предал нас, Игорь. Не война тебя сломала – ты сам сломался. Я думала, тебе нужно время, я ждала, терпела, а ты... с этой... даже слова не могу подобрать».

Не смог ничего ответить. Потому что она была права.

Развод оформили быстро, без дележа имущества – делить

было нечего. Машка осталась с Ольгой, мне разрешили видаться раз в месяц, но какие встречи, когда дочь смотрит на тебя как на чужого?

Водонапорная башня вынырнула из сумерек – приземистая, с облупившейся краской и покосившимся шпилем. За ней – крыши домов, силуэты каких-то построек, редкие огоньки в окнах.

Новопавловка. Край географии. Место, где никто не будет искать бывшего капитана Молчанова с его медалью, кредитом и разрушенной жизнью.

У въезда в село, возле покосившегося знака с названием, стоял мужик с фонарём. Крепкий, невысокий, в клетчатой рубашке и джинсах. Лицо загорелое, жёсткое, взгляд оценивающий.

– Молчанов?

– Так точно.

– Отвыкайте от этого «так точно», тут вам не армия. Лазарев, Владимир Павлович. – Протянул руку, пожатие крепкое, сухое. – Ждал вас ещё дневным автобусом, думал – передумали.

– Автобус сломался по дороге. Колесо пробило, пришлось менять.

– А, бывает. Дороги у нас, сами видите, не автобан. Ну, пойдёмте, покажу хозяйство вкратце, а то темнеет уже. Завтра в пять подъём, так что сегодня без экскурсий.

Двинулись по тёмной улице. Дома по обе стороны – од-

ноэтажные, деревянные, с палисадниками и покосившимися заборами. Собаки брехали за каждым вторым двором, где-то мычала корова, пахло навозом и дымом.

– Значит, военный?

– Бывший.

– В каком звании уволились?

– Капитан.

Лазарев хмыкнул:

– Капитан – и в трактористы? Круто жизнь повернула, да?

Промолчал.

– Ладно, не моё дело, чего вы там в прошлом натворили или не натворили. Меня одно интересует – работать будете нормально или как? Потому что у меня тут половина народа пьёт без просыху, а вторая половина работать не умеет. И найти замену – целая история, народ из деревни бежит, молодёжь вся в города подалась.

– Работать буду нормально. Пить не пью.

– Это мы посмотрим. Все так говорят поначалу, а через месяц смотришь – уже с местными самогонку глушит. Здесь соблазнов мало, но главный соблазн – скука. От скуки и начинают квасить.

– Не начну.

– Поглядим, поглядим.

Прошли мимо длинного здания с железными воротами.

– Это мехдвор. Тут техника стоит, тут ремонтируем, тут запчасти храним. Завтра Пётр Семёнович вам всё покажет

подробно, он у нас главный механик. Мужик толковый, знает своё дело, слушайте его внимательно, дурного не посоветует.

– Понял.

– Коровник вон там, за тем сараем. Туда вам не надо, это по животноводческой части. Хотя познакомитесь всё равно, тут все друг друга знают.

Навстречу по двору шла женщина с пустыми вёдрами. Высокая, широкоплечая, в тёмном платке. Шаг уверенный, спина прямая – видно, что привыкла к тяжёлой работе.

– О, Надежда, лёгкая на помине. Иди сюда, дело есть.

Женщина подошла, остановилась в круге света от фонаря. Лицо усталое, обветренное, но глаза живые, внимательные. Смотрела на меня без улыбки, без враждебности – просто изучала, как изучают новый инструмент перед работой.

– Это Молчанов, новый тракторист. Проводи его до общежития, покажи, где что. А мне ещё в контору надо, бумаги разгребать.

– Хорошо, Владимир Палыч.

Лазарев хлопнул меня по плечу:

– Располагайтесь, отдыхайте. Завтра в пять – у мехдвора, не опаздывайте. Я опозданий не люблю.

И ушёл, размашисто шагая в сторону освещённого здания конторы.

Остались вдвоём с этой Надеждой.

– Пойдёмте, тут недалеко.

Голос низкий, спокойный. Без лишних интонаций.

Пошли через тёмный двор. Пахло сеном и чем-то кислым – силосом, наверное.

– Вы откуда приехали?

– Из Самары.

Соврал не задумываясь. Не хотелось объяснять про Москву, про госпиталь, про всё остальное.

– Далеко.

– Порядочно.

– А работали кем раньше?

– В армии служил.

– А потом?

– Потом – ничего. Уволился и уехал сюда.

Она кивнула, не стала спрашивать дальше. За это я был благодарен.

– Вот здесь будете жить.

Остановились у небольшого дома – длинный барак, разделённый на несколько секций. Надежда открыла одну из дверей, щёлкнула выключателем.

Комната маленькая, метров десять. Кровать с железной спинкой, тумбочка, стол, стул. Голые стены, одинокая лампочка под потолком. Чисто, но казённо – как в госпитале.

– Постельное бельё в шкафу, вон там. Вода – в баке во дворе, за углом направо. Туалет там же, чуть дальше. Если что-то понадобится – спрашивайте, люди тут в основном нормальные, помогут.

– Спасибо.

Она задержалась в дверях, посмотрела на меня – внимательно, оценивающе.

– Вы правда пить не будете?

– Правда. А что?

– Просто последний тракторист, который сюда приезжал, продержался три недели. Потом ушёл в запой и чуть трактор не угробил. Лазарев его выгнал на следующий день.

– Я не запойный.

– Посмотрим.

Она ушла, и я остался один.

Закрыл дверь. Бросил рюкзак на кровать. Сел рядом.

Тишина – плотная, почти осязаемая. Ни гудения города, ни шума машин, ни музыки за стеной. Только где-то далеко брехала собака, да сверчки стрекотали за окном.

Достал из рюкзака бархатную коробочку. Открыл.

Медаль «За отвагу». Золотистый металл, красная колодка с белыми полосками.

Когда-то я гордился этой штукой. Когда-то она что-то значила – подвиг, честь, всё то, что вбивали в голову на присяге.

Сейчас – просто кусок металла. Напоминание о человеке, которого больше нет. О человеке, который умел не только воевать, но и жить. У которого была семья, была цель, был смысл.

Закрыл коробочку, убрал обратно в рюкзак.

Лёг на кровать, не раздеваясь. Пружины скрипнули под весом.

Никто здесь меня не знает. Никто не знает про Диану, про кредит, про развод, про то, как я просыпаюсь в три часа ночи с криком в горле. Здесь я просто Молчанов, новый тракторист. Чужак из города.

Чистый лист.

Можно попробовать начать сначала. Или хотя бы сделать вид, что начинаешь. Хотя бы ненадолго почувствовать себя нормальным.

Закрыв глаза.

Впервые за долгое время – без водки, без снотворного – провалился в сон. Тяжёлый, без сновидений. Как в яму.

Глава 2. Новая жизнь, старые тени

Рёв мотора ворвался в сон, и я рванулся с кровати, ударившись локтем о железную спинку.

Секунду лежал, хватая ртом воздух, не понимая, где нахожусь. В голове ещё металась обрывки – грохот, вспышки, чей-то крик «Ложись!» – а тело уже искало укрытие, автоматически, как учили.

Потом дошло: это не обстрел. Это трактор. За окном – не горящий БТР, а обычное деревенское утро.

Сел на кровати, потёр лицо ладонями. Руки мелко тряслись. Футболка прилипла к спине от пота, хотя в комнате было прохладно.

Хорошее начало первого рабочего дня, Молчанов. Отличное просто.

На часах – половина пятого. За окном ещё темно, но во дворе уже движение: голоса, звяканье железа, тот самый трактор, который меня разбудил, – надрывно тарыхтит где-то у гаража.

Оделся быстро, по-армейски. Джинсы, футболка, куртка. Умылся ледяной водой из бака – сон как рукой сняло, вместе с остатками кошмара.

У мехдвора уже собрались люди. Трое мужиков в спецовках стояли возле старого трактора Т-40, из-под капота которого валил пар. Четвёртый – усатый, коренастый, лет пяти-

десяти – копался в моторе, подсвечивая себе фонариком.

Подошёл ближе.

– Доброе утро.

Усатый выпрямился, вытер руки о тряпку, оглядел меня с головы до ног.

– Ты новенький? Иван, что ли?

– Игорь. Молчанов.

– А, точно, перепутал. Лазарев говорил – Иванов. Ну, Игорь так Игорь. Я Пётр Семёнович, можно просто Пётр. Механик здешний, и бригадир заодно. Будешь в моей бригаде, так что давай сразу на «ты», тут не церемонятся.

Пожал ему руку – ладонь твёрдая, в мозолях, хватка уверенная.

– Это кто? – один из трактористов, молодой парень с сонным лицом, кивнул в мою сторону.

– Новый тракторист. Вместо Федьки, которого выгнали.

– А, понятно. Ну, здорово.

Остальные буркнули что-то похожее на приветствие и отвернулись. Не враждебно, просто – не до разговоров в такую рань.

– Значит так, Игорь, – Пётр хлопнул меня по плечу. – Вон твоя машина стоит, «Беларус», семьдесят второго года рождения. Старичок, конечно, но если с ним по-человечески – он тебе ещё послужит. Пойдём, покажу.

Мы отошли к краю площадки, где стоял трактор – приземистый, выкрашенный в облупившуюся синюю краску, с по-

мятым крылом и треснутым зеркалом.

– Вот он, красавец. Не смотри, что страшный, – движок у него хороший, я сам перебирал два года назад. Только есть нюансы...

Он открыл капот, и я сразу увидел, о чём речь: под блоком цилиндров расплывалось тёмное пятно, и на земле уже образовалась небольшая лужица.

– Масло течёт?

– Ага, прокладка, похоже. Предыдущий водила её добил окончательно, газовал как ненормальный, вот и результат. Я всё никак руки не доходили...

– Инструмент есть?

Пётр поднял бровь.

– Шаришь, что ли?

– Немного. В армии на технике работал, не на такой, конечно, но принцип похожий.

– Ну-ка, ну-ка... – он отступил в сторону, освобождая место. – Вон там ящик с ключами, прокладки в сарае, на верхней полке. Посмотрим, что за специалист нам достался.

Следующий час я провозился с мотором. Снял поддон, заменил прокладку – она и правда была убита в хлам, удивительно, что масло вообще держалось. Попутно подтянул пару болтов, которые болтались, как молочные зубы, и прочистил фильтр, забитый какой-то дрянью.

Работа – это хорошо. Работа – это когда руки заняты и голова не лезет куда не надо.

Когда закончил, Пётр присвистнул.

– Слушай, а ты правда шарить. Я думал, ты так, понта- нулся, а ты реально сделал. Откуда такие навыки?

– Служил. На грузовиках, на бронетехнике. Там если сло- мался посреди степи – никто за тебя чинить не будет.

– Логично. Ну, Игорь, вижу, что не прогадали с тобой. Лазарев говорил – Дымов тебя рекомендовал, так?

– Так.

– Серёга – нормальный мужик. Если он за кого ручается – значит, человек стоящий. Ладно, давай заводи, посмотрим, как работает.

Трактор завёлся с третьей попытки – кашлянул, чихнул и затарахтел ровно, без перебоев. Масло больше не текло.

– Красота! – Пётр довольно потёр руки. – Ну что, готов к труду и обороне?

– Всегда готов.

– Тогда поехали, покажу, куда ехать. Сегодня пашем за- падное поле, под озимые готовим. До обеда успеем, если не филонить.

Первые часы в поле дались тяжело.

Трактор – не БТР, управление совсем другое, и поначалу я дёргался, путал передачи, заглох пару раз на развороте. Пётр ехал впереди на своём Т-40, время от времени оглядывался и показывал жестами – мол, нормально, продолжай.

Но постепенно руки вспомнили, как работать с рычагами, ноги нашли педали, и дело пошло. К десяти утра я уже вёл

борозду ровно, почти не отклоняясь от линии.

Монотонная работа. Туда-сюда, туда-сюда. Земля переворачивается пластами, чёрная, жирная, пахнет влагой и чем-то древним. Мотор гудит, рычаги вибрируют под ладонями. Голова пустая – ни мыслей, ни воспоминаний. Только движение вперёд.

Хорошо.

В перерыве остановился у колонки долить солярки. Заглушил мотор, вылез размять ноги.

За изгородью виднелся коровник – длинное здание с облупившейся побелкой. Оттуда как раз выходила группа женщин, гоня перед собой стадо. Коровы мычали, толкались, одна упрямо лезла не в ту сторону.

Впереди шла Надежда – я узнал её по платку и прямой спине. Она догнала упрямую корову, положила руку ей на шею и что-то сказала, негромко, спокойно. Корова замерла, будто прислушиваясь, а потом послушно повернула куда надо.

Сила и ласка одновременно. Интересное сочетание.

Надежда подняла голову, заметила меня у колонки. Кивнула – коротко, без улыбки. Я кивнул в ответ и отвернулся, будто очень занят доливкой топлива.

Вечером вернулся в свою комнатунку, едва волоча ноги.

Тело гудело от усталости – приятной, честной, не такой, как после бессонных ночей в съёмной квартире. Мышцы болели, спина ныла, руки пахли соляркой и землёй.

Хотелось есть. Столовая уже закрылась – я опоздал минут на двадцать, пока ставил трактор и сдавал Петру какие-то бумажки.

Ладно, переживу. Где-то в рюкзаке должна была остаться пачка печенья.

Сел на крыльце, стянул сапоги. Ступни гудели. Надо бы портянки поменять, эти уже сопрели.

Шаги.

Поднял голову – по двору шла Надежда. В руках она несла что-то завёрнутое в полотенце и бутылку молока.

– Добрый вечер.

– Добрый.

Она остановилась у крыльца, протянула свёрток.

– Вот, занесла поужинать. Повариха сказала, что ты не успел в столовую, а на голодный желудок после такого дня – это неправильно.

Я взял – тяжёлое, тёплое. Развернул краешек: хлеб, ещё горячий, и кусок сала с прожилками мяса.

– Спасибо. Не стоило, я бы сам...

– Что бы ты сам? В магазин бы ходил? Он закрыт уже. А завтра тебе опять в пять вставать, не выспишься – толку от тебя не будет. Ешь давай.

Она говорила это не грубо, но и не церемонясь – так, как привыкла, наверное, разговаривать с работниками, которые сами о себе позаботиться не умеют.

– Может, зайдёшь? Чаю попьём, я как раз собирался...

Надежда помедлила. Оглянулась на свой дом – он стоял через два двора, маленький, с палисадником.

– Ладно. На минутку.

Прошли внутрь. Я включил свет, поставил чайник на плитку. Комната выглядела убого – голые стены, застеленная кровать, рюкзак в углу – но Надежда не стала комментировать.

– Садись, вот стул. Извини, что тесно, тут не хоромы.

– Я в таких же хоромашках живу, только обои другие. Привыкла.

Она села, сняла платок – волосы каштановые, собранные в пучок. Лицо усталое, но без той измученности, которую я видел у городских женщин. Морщинки у глаз, обветренная кожа, руки с коротко стриженными ногтями.

– Пётр говорит, ты сегодня трактор починил за час. Прокладку заменил, что-то там ещё. Он впечатлился.

– Да там ничего сложного, просто руки надо было приложить.

– Ну, у предыдущего тракториста руки были, а толку – ноль. Федька его звали, может слышал?

– Слышал. Которого выгнали.

– Ага. Запил и чуть комбайн не угробил. Лазарев его в тот же день выставил, без разговоров. А ты, значит, не пьёшь?

– Не пью.

– Вообще?

– Бывает, что и выпью, но не запойно. И не на работе.

– Это хорошо. – Она помолчала, глядя, как я разливаю чай по кружкам. – А ты откуда родом? Лазарев говорил – из Самары, но как-то не похоже.

Я сел напротив, подвинул ей кружку.

– Не из Самары. Из Подмосковья. Соврал, когда устраивался, не хотел объяснять.

– А что объяснять?

Хороший вопрос. Что объяснять? Что я бывший капитан, которого комиссовали по ранению? Что у меня развод, кредит на три миллиона и бывшая любовница, которая оказалась мошенницей?

– Долгая история. Скучная.

– Понятно. – Она отпила чай, не став настаивать. – У каждого свои скелеты.

– А у тебя?

Вопрос вырвался раньше, чем я успел его обдумать. Надежда посмотрела на меня спокойно, без обиды.

– У меня тоже есть. Муж был когда-то. Влюбилась как дура в заезжего красавца, думала – вот оно, счастье. А он погулял года полтора и уехал, даже записки не оставил. Потом узнала, что у него в каждом городе по такой дуре было.

– Сочувствую.

– Да брось, давно уже. Восемь лет прошло. Пережила, работаю, живу. Не жалуясь.

Восемь лет. Пережила. Работает. Живёт.

А я – полгода после развода, и до сих пор как в тумане.

Может, дело в том, что она сильнее? Или в том, что её предали один раз, а меня – дважды, причём второй раз я сам к этому руку приложил?

– Ты военный, да? – вдруг спросила она. – По выправке видно. И по тому, как ты сегодня на рёв трактора среагировал.

Я напрягся.

– Кто сказал?

– Никто. Сама вижу. Мой отец такой же был – он в Афгане служил. Когда вернулся, долго ещё вздрагивал от громких звуков. Я маленькая была, но помню.

Молчал. Что тут скажешь?

– Слушай, – она поставила кружку, – я не лезу в твои дела. Прошное – твоё, хочешь рассказывать – расскажешь, не хочешь – твоё право. Просто... если что-то нужно, помочь там или просто поговорить – обращайся. Люди здесь в основном нормальные, незлые. Привыкнешь.

– Спасибо.

– Не за что.

Она встала, накинула платок.

– Ладно, пойду. Мне ещё завтра в четыре вставать, доярки раньше трактористов поднимаются.

Я проводил её до двери.

– Надежда...

– Надя. Меня все Надей зовут.

– Надя. Спасибо за ужин. И за разговор.

Она кивнула – просто, без жеманства – и пошла к своему дому. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за калиткой.

Странное чувство. Давно ни с кем вот так не разговаривал – без напряжения, без необходимости что-то из себя изображать. Она не лезла с расспросами, не давила сочувствием, не пыталась «спасать». Просто принесла хлеб и выпила чаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.